

Долинская Елена Борисовна – доктор искусствоведения, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

Dolinskaya Elena B., Doctor of Arts, Professor of State Institute for Higher Education «Tchaikovsky Moscow State Conservatory».

Федор Дружинин – Мария Юдина. Диалоги и монологи об исполнительстве

Данная статья повествует о «музыкальном романе» выдающихся деятелей отечественной культуры XX века. Их переписка и уникальный дуэт открывают новые материалы, связанные с поиском исполнительской интерпретации современных альтовых произведений, созданных как в России, так и за ее пределами. Уникальность творческого союза Ф. Дружинина – М. Юдиной раскрывается на фоне их доверительной переписки в непростой период музыкальной жизни СССР рубежа 1950–1960-х годов. Огромный интерес представляют взаимные литературные портреты, написанные эмоционально тонко и трогательно, с любовью. Рассмотрен важный аспект творческого общения артистов: пути расширения совместного репертуара.

Ключевые слова: Ф. Дружинин, М. Юдина, ансамбль, альт, альтовая школа Московской консерватории, фортепиано, русская фортепианная школа XX века, переписка музыкантов, В. Борисовский, концерт памяти Дружинина.

Fyodor Druzhinin – Maria Yudina. Dialogues and monologues about performance

This article provides the reader with information about the "musical novel" of prominent figures of Russian culture of the twentieth century. Their correspondence and a unique duet open up new materials related to the search for a performing interpretation of contemporary alto works created both in Russia and abroad. The uniqueness of the creative union of F. Druzhinin – M. Yudina is presented in their confidential correspondence sincerely against the background of the difficult musical life of the USSR at the turn of the 1950–1960s. Of great interest are mutual literary portraits, painted emotionally subtly and touchingly, with love. An important aspect of creative communication between artists is considered: ways to expand the joint repertoire.

Keywords: F. Druzhinin, M. Yudina, ensemble, viola, alto school of the Moscow Conservatory, piano, Russian piano school of the XX century, correspondence of musicians, V. Borisovsky, concert in memory of Druzhinin.

DOI: 10.25791/musicology.7.2021.1200

Интрада

В сентябре 2021 года Московская консерватория отмечает свой 155-летний юбилей – событие знаковое для всей отечественной музыкальной культуры. Сегодня есть повод перевернуть страницы истории главного музыкального вуза России и напомнить о тех выдающихся личностях, кто связал всю жизнь с *Alma mater* с момента учебы и до конца земных дней. В их числе профессор Федор Серафимович Дружинин (1932–2007) – личность незабываемая и неповторимая. Многообразие граней его таланта (черта, свойственная педагогам-лидерам Московской консерватории) удивляет и сегодня: Народный артист, член Союза композиторов оставил внушительное наследие в сфере альтовой и вокальной, ансамблевой и хоровой музыки. Среди

его сочинений, которые прочно вошли в исполнительский и педагогический репертуар альтистов «Sinfonia a due» для двух альтов, вариации и соната для альт-соло, ноктюрн «Ночь и море» (для голоса и инструментального секстета), Семь духовных хоров, песни, романсы.

Педагогом Ф.С. Дружинин был, как говорится, от Бога: учил молодых альтистов и на своих концертных программах, и в классах родной консерватории, а также на мастер-классах в большинстве европейских стран, особенно часто во Франции, а также в Бельгии, где давал консультации известному «Danel-квартету». Через школу Дружинина, продолжающую традиции учителя В.В. Борисовского, основателя московской школы альты, прошли Ю. Башмет, Ю. Тканов, А. Бобровский (1944–2021), Е. Маркова, А. Сиماкин и еще многие. Ученикам Ф. Дружинин передал

«ключи» не только к пониманию и воплощению художественных смыслов альтовых произведений разных эпох и стилей, но и собственное умение и желание обогащать спектр технических возможностей самого инструмента.

Литературный дар альтиста известен по его публикациям, где нередко возникали прозорливые строки: «Меняются времена, уходят люди, переоцениваются многие ценности, гибнут теории, рушатся системы, сменяются философии, и удивительно, что все это происходит в течение твоей жизни. Но пока ты жив, остаются воспоминания юности и молодости, и чем старше становишься, тем ярче горят они в душе, освещая твою жизнь, уже уходящую в тень» [1, 7].

Очевидно, что объемная литературная шостаковичана Ф. Дружинина¹ бесценна. «На моем письменном столе всегда стоит фотография Дмитрия Шостаковича, где ему только 18 лет, и его лицо – такое чистое и прекрасное – еще не изранено трагическими морщинами будущего... В 18 лет он еще открыт, артистически свободен и элегантен с небрежно повязанной бабочкой, полон юношеского обаяния, уже отмеченного печатью гения... Лицо юного Шостаковича трудно описать, на него хочется смотреть, как всегда хочется слушать его музыку. В русском языке есть чудесное слово «ненаглядный» – лучше не подберешь для этого лица. Я нежно люблю эту фотографию» [1, 109].

Перу Федора Серафимовича принадлежат впечатляющие литературные портреты (зарисовки с натуры) тех талантливых музыкантов, с кем довелось учиться – Е. Альтман, Б. Шацкес, кто учил его – Н.В. Соколов, В.В. Борисовский, с кем много творчески общался – Р.С. Леденёв, А.Г. Шнитке, А. Волконский или встречался с коллегой, что оставил память на всю жизнь, – Уильям Примроуз.

На рубеже 1950-х–60-х годов Ф. Дружинин с гордостью признается, что у него «начался музыкальный роман» с Марией Вениаминовной Юдиной. В художественном тандеме двух выдающихся исполнителей XX века приняла участие и Наталья Львовна Дружинина (мать альтиста, которая в очерке «Мария Вениаминовна Юдина» рассказала об этой удивительной женщине и большом художнике [1, 186].

В те годы Н.Л. Дружинина руководила Студией художественного слова при Государственном Литературном музее А.С. Пушкина. Документальные материалы о важном периоде в жизни обоих музыкантов опубликованы в ценнейших материалах Приложении цитированной книги [1, 171–192]².

Изучение документов периода «музыкального романа с М.В. Юдиной» позволило поставить следующие задачи:

- воссоздать штрихи к портрету М.В. Юдиной по характеристикам Ф.С. Дружинина;
- представить литературные эскизы М.В. Юдиной к портрету Ф.С. Дружинина на основе их переписки;
- описать индивидуальные черты уникального исполнительского ансамбля Ф. Дружинин – М. Юдина;
- обобщить наблюдения по совместной деятельности двух выдающихся инструменталистов в сфере расширения и осовременивания альтового репертуара.

Решение указанных проблем потребовало контекстного подхода, в силу чего материал был рассредоточен по нескольким небольшим очеркам, имеющим свою направленность: историческую, эпистолярную, педагогическую и рецензионную.

Музыкальный роман

Их первая встреча прошла заочно: М. Юдина услышала запись Ф. Дружинина на Радио. Она была потрясена игрой неизвестного ей инструменталиста. И тут же отправила ему письмо с обращением «Мой дорогой Альт!» с назначением встречи у нее дома, в Соломенной сторожке. Так началось творческое и дружеское общение выдающихся музыкантов.

22 июня 1960 года пианистка сообщила матери Ф.С. Дружинина, Наталье Львовне Дружининой (Вульффиус)³: «...был у меня еще раз Федя, должна еще раз повторить, что меня не покидало удивление, как мог возникнуть и быть сохраненным в наш век, в это поколение, и в его профессии подобный человек» [1, 171]. Дорисовывает портрет Федора Дружинина Юдина в письме к дирижеру Р.В. Матсову, посланному из Москвы в Таллин 23 июня 1959 года⁴. Она передает свой восторг первооткрывателя от контактов с ярчайшими представителями отечественной творческой молодежи: «...я нашла 2 жемчужины, 2-х молодых инструменталистов, лауреатов VI фестиваля, альтиста Федора Дружинина и виолончелистку Наталью Шаховскую, их и не пришлось особенно искать, они блистали два года тому назад, я слыхала их лично и их записи. Естественно, раз я веду камерный ансамбль и вокруг меня вечно вьется всякая «смычковая» (не говоря о пианистах) молодежь, они попали в орбиту нашего (моего и моих учеников) музицирования. Дружинин – постарше (! – 27 лет), уже ассистент В.В. Борисовского⁵, нашего любимого «патриарха» альтов и уже довольно известен; кроме того он и по рождению и по женитьбе из высокоинтеллектуальной среды. Он насквозь «durchgeistet» (одухотворенный) и понимает все то, что мы с Вами любим и ценим. И вот я «сама» с ним дала сонатный вечер в июне и многие говорили,

что это был самый интересный концерт в Москве за год! И было множество народу, мы сыграли дивную сонату Шуберта *Arpeggione* (она по истине ближе всего именно к альту), сонаты Хиндемита и Онеггера. Сам Волконский сыграл с Федей свою новую изумительную альтовую сонату. В Дружинине я нашла поразительное инструментальное совершенство, сильный и благородный дух, вкус и м. б. для меня главное – глубокий интерес к современности. Так вот – я предлагаю (и, если угодно, прошу) выписать нас в Таллин следующим образом: 1) мы играем вместе сонатный вечер по известной Вам программе; 2) мы играем в симфоническом, (симфонический только с Вами как дирижером, маэстро Матсов!!!) – в одном или в двух – как хотите; альтист играет концерт Бартока, а я, что угодно: Бах, Моцарт, Брамс (1-ый), Вебер, Данблон (Бельгия) (только не Бетховена – ну хватит!...)

P.S. Программа сонатного вечера всегда может быть, конечно, варьирована, но лучше этих сонат мы пока не нашли (будем играть нынче и Кшенека). О Хиндемите и говорить не приходится – это ясно! Онеггер – чисто романтическая музыка, однако, как мне кажется, из «Тристана». Судя по журналам, ее играют по всему миру. Шуберт – «все отдай, да мало», ну, а Волконский блеск, фейерверки и немного Достоевский!!! **Дружинин – как альтист равен Хиндемиту!!**» [1, 173–174].

Соната *Arpeggione*, по мнению пианистки, «urbi et orbi»⁶, видимо, впервые игралась Марией Вениаминовной именно с Ф. Дружининым. Об этом сочинении она заключила: «...о Шуберте можно говорить поэтическими стихами, и я готова его играть ежедневно и счастлива, что сыграла. В своем беспредельном смирении это глубочайшим образом христианская музыка» [1, 182].

Дуэтом предполагались две программы из сочинений Хиндемита. После совместного исполнения его сонаты Мария Вениаминовна с удовлетворением резюмировала, что «еще ни разу не катился так безостановочно музыкальный поток, развивая свое напряжение, как этого хотел автор, о чем начертал ясными и точными словами» [1, 182].

Хиндемит как автор настолько важен для М. Юдиной, что она выстраивает цикл концертов из его сочинений, куда обязательно должен быть включен Октет. В письме к Ф. Дружинину (Москва 11 октября 1959 года) обсуждается возможный срок концерта, 14 января, и М. Юдина уверяет, что без Октеда он не может состояться. Здесь же назначается состав исполнителей из «Борисовской альтовой семьи» (В. Проворов, И. Минаева, Н. Рубанович), а также А. Волконский, М. Лубоцкий и Р. Баршай. Маргарита

Гроссман была «согласна сесть хоть на 10-ю скрипку ради такого исполнения». К озвучанию Октеда Хиндемита Юдина предполагала пригласить Льва Евграфова, виолончелиста. Этот концерт был задуман как бесплатный.

Во время своих сольных концертов Мария Вениаминовна любила читать стихи в том числе Н. Заболоцкого, рассказывала о композиторах, с которыми дружила (например, с И. Стравинским и П. Хиндемитом).

На репетициях были горячие ссоры и душевные примирения. Федор Серафимович искренне восхищался великой пианисткой, считал себя многим обязанным ей в собственном европейском воспитании. Организуя вместе с Ф. Дружининым два концерта из сочинений Хиндемита, Юдина считала, что подобная концертная программа сможет иметь «существенное познавательное значение. В настоящую эпоху это главное» [1, 183]. По рекомендации Юдиной Дружинин был приглашен в Петербург исполнить концерт Бартока. Сама же она играла современную музыку во втором отделении.

Несравненная пианистка активно помогала Ф. Дружинину в поисках и расширении нового (чаще всего современного) репертуара для альты. В письме от 28 июня 1959 года читаем: «Эти дни я много занималась Бахом, среди некоторых величайших творений я совершенно неожиданно нашла такие, кои, наверное, не сочли бы себя оскорбленными, если из них создать транскрипции для альты. Как ни странно – особенно прекрасными явились», – и далее М.В. Юдина в качестве примера приводит арию «Zerfließe, mein Herze, in Fluten der Zähren» (№ 63, сопрано) из второй части Страстей по Иоанну И.С. Баха (BWV 245). [1, 177–179].

В следующем письме 14 июля 1959 года, видимо в ответ на письменный запрос Ф. Дружинина: чем еще можно обогатить альтовый репертуар? – пианистка сообщает в двенадцати пунктах, об интересном источнике знаний по музыке XVI–XVII веков (XVIII более известен): «У меня лично имеется Musikgeschichte in Beispielen» («Музыкальная история в примерах») самого Арнольда Шеринга, она дает множество текстов, а главное – ключи – где, что искать» [1, 180]. Неутомимый исследователь, она постоянно посещала библиотеку (ЦГБЛ), и рекомендовала альтисту последовать её примеру и искать там новинки для альты.

Представляя расхожий инструментарий XVI–XVIII веков, Юдина сетует: «...чего только нет, – все ликуют, рыдают, повествуют, – лютни, тромбоны, гамбы разных видов, все клавишные персонажи, эти вездесущие нахальные скрипицы и cello, и нет, и нет,

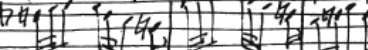
Ария «Zerfließe, mein Herze, in Fluten der Zähren» (№ 63, сопрано)
из второй части Страстей по Иоанну И.С. Баха (BWV 245)

1. Arie / Johannes-Passion (W 634)

zer-flie-ße, mein Her-ze, in

Flu-ten der Jäh-ren, zer-

flie - se, mein Her - ze, in den Ar - men der
Lä - - - ren, in den Ar - men der



 Der Schwanen-see, mein Her-ze, in Blu-men-see-

 -den

 -zen den

Handwritten musical notation for the song "Hörst du den Wald singen". The notation is on two staves. The first staff has a treble clef and a key signature of two flats (Bb, Eb). It contains the melody for the first line of the song: "Hörst du den Wald singen". The second staff has a bass clef and a key signature of two flats (Bb, Eb). It contains the melody for the second line of the song: "den Wald singen". The lyrics are written below the staves.


 Handwritten musical notation for the first staff of the song. It is in G major (one sharp) and 4/4 time. The melody consists of eighth and sixteenth notes. The lyrics 'Klim-mel-lee Nöt, er-zähl-le-der' are written below the staff.

Welt und dem Him-mel die Not, dein Ge-sus,

[illegible][illegible]

и нет – альты. Но так видит Шеринг, кто-либо иной, может видеть иначе. Стало быть, надлежит именно в этой сфере и эпохе цветений смычковых найти функцию альты в культуре и извлечь оттуда все самое прекрасное. Я, не будучи достаточно исторически образованной – глубоко уверена, что таковая функция найдется» [1, 180]. Сказанное Юдина конкретизирует нотными примерами и предложениями: «Можно играть кое-что скрипичное, например, «Библейские сонаты» Бибера (это уже и более поздний материал), и, например, симфонию Страделлы для скрипки, виолончели с чембало и *continuo* – басом (*Basso continuo*), сколь дивна музыка... И еще кое-что... отчего вам не приступить к игре на «*Viola pomposa*», на ней играть Баха. Вам, Федору Дружинину, играть, (и, конечно, лучше всех) на *viola pomposa*». Это дивное прошлое... [1, 180].

М.В. Юдина не только старалась помочь Ф. Дружинину в поисках по расширению альтового репертуара, но и всячески способствовала тому, чтобы постоянно пополнялся круг выдающихся людей, которые бы профессионально и объективно оценили самобытное и уже зрелое мастерство молодого альтиста.

Все в те же летние месяцы, когда шла переписка Марии Вениаминовны с Дружининым, она обратилась Борису Пастернаку с заманчивым и великодушным предложением поиграть у него в Переделкине вместе с полюбившимся ей альтистом. «Быть в числе его друзей – счастье», – писала Юдина Дружинину, размышляя над репертуаром домашнего концерта у Пастернаков. Федора она наставляла: «Ведь мы играем для людей, служим им, есть возможность сыграть тому, кто столько претерпел и у кого такой грандиозный внутренний мир и такое совершенное его выражение, кого любят и чтут люди на всей нашей планете» [1, 176].

Homme révolté⁷

Настоящим определением Ф. Дружинин открывает литературный портрет выдающейся личности русской исполнительской культуры XX столетия: «Мария Юдина была благородна в своем творчестве. Источник, питающий ее фантазию и ассоциации был чист и глубок. Ее неукротимая оппозиционность всему общепринятому, ее мятежный дух и стремительная натура, помноженная на прекрасный и могучий пианистический дар подарили целым поколениям людей, любящих музыку, неповторимого исполнителя и глубокого интерпретатора самых великих композиторов мира сего: Бах, Шуберт, Моцарт, Брамс и, особенно Бетховен, с личностью которого

у Марии Юдиной было много общего и который был ей бесконечно близок и угадываем ею в своем фортепьянном творчестве» [1, 161]. Уже этой емкой характеристики было бы достаточно для основания блицпортрета М.В. Юдиной, мастера наделенного бескомпромиссной принципиальностью в сфере искусства, обладающего индивидуальной концепцией музыканта-творца.

Глубоко интеллектуальная жизнь ее души не боялась одиночества и ежедневного подвижнического труда. Нормальная обустроенность быта была музыканту совсем не обязательна. Увиденное Дружининым по адресу со сказочным названием (Соломенная сторожка, Астродамский переулок...) далее указывался номер весьма старенького деревянного домика, мезонинное помещение которого занимала Мария Вениаминовна⁸. Вот что увидел приехавший для совместного музицирования Дружинин: «В наше время трудно молодому человеку представить себе, что можно так жить, как жила Мария Вениаминовна. Описать обстановку комнаты (если набор случайных и немыслимых предметов можно назвать обстановкой, а чердак со стропилами комнатой) крайне затруднительно, потому что самих предметов разглядеть было невозможно. Они были погребены под нотами, книгами, бумагами, письмами, которые лежали и на полу, и на стульях, и на рояле, и на столах, кажется их было два, но я помню только письменный, за которым Мария Вениаминовна писала и ела. В центре комнаты стоял прекрасный концертный рояль, его масштаб, благородная форма и молчащие до поры, скрытые в нем звуки как бы говорили, что он здесь единственный властелин. Зато в качестве дивана была простая деревянная парковая скамейка. Пожалуй, это единственное, чего я никогда и нигде не видел в комнатах» [1, 163–164].

Дуэт Юдина-Дружинин сложился под девизом «Воля автора священна» (о чем часто любил повторять Д. Шостакович). Пианистка сразу в работе над сонатой ее любимого Хиндемита указала на важность соотношения *fff* у фортепьяно и одного *f* у альты, заодно подчеркнув, что никогда не будет аккомпаниатором, настойчиво развивая в Дружинине умение мыслить, как пианист. Она говорила по поводу сложных ритмических построений «Попробуйте играть как пианист, без привычных ритмических издержек струнника». «В итоге мне не приходится краснеть за начало *Fantasi* Хиндемита и некоторые эпизоды сонаты Онеггера. Мария Вениаминовна мягко, но властно заставила сыграть их хорошо». Слушая выступление дуэта на концерте, другая выдающаяся отечественная

пианистка, Мария Гринберг, сказала Дружинину, что «Мария Юдина была гениальной пианисткой и ансамблистской» [1, 164].

Вечер памяти Ф.С. Дружинина

11 апреля 2011 года Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина приглашал на концерт памяти народного артиста России, профессора Федора Серафимовича Дружинина. Так состоялся парад старших учеников его класса, уже давно завоевавших признание и на ниве педагогики, и в сфере сольного и ансамблевого исполнительства. Инициаторами как всегда явились Елена и Юрий Шичалины, представители семьи выдающегося музыканта, создатели Гимназии при Греко-латинском кабинете⁹. В этом особом учебном заведении музыка стала одной из ведущих составляющих общего духовного воспитания подрастающего поколения.

Сочинения Федора Серафимовича постоянно звучат в зале Гимназии: в исполнении ее учеников и многих известных музыкантов. Музыкальные концерты всегда проводятся в апреле, в день рождения Дружинина, исключением был только 2020 год. Среди старших учеников, которые неизменно включали в свой сольный и ансамблевый репертуар произведения Дружинина назовем Юрия Тканова, Александра Бобровского, Екатерину Маркову. Последнее поколение учеников Федора Серафимовича достойно представил Алексей Симакин¹⁰. В ансамбле с альтистами, выпускниками Дружинина, неизменно выступает блистательная пианистка Елена Никитенко, мать которой Лариса Пантелеева, много лет была концертмейстером в классе Федора Серафимовича.

Программа мемориального концерта выстроена драматургически четко: два сочинения эпохи барокко, Г. Перселла и Баха предварили грандиозную инструментальную композицию XX столетия, «Sinfonia a due» Дружинина¹¹. Далее прозвучала соната для альтя Глинки, а так же 3 и 4 части Третьего квартета Чайковского в исполнении Государственного квартета им. С.С. Прокофьева. Имело место и тембровое *crescendo*: альт предстал *solo* (Перселл, Бах), в дуэтах с фортепиано, а также в монологах и диалогах двух альтов, и, наконец, как равноправный голос струнного квартета. Во всех тембровых номинациях (кроме квартета) партию альтя вдохновенно играл А. Симакин. Вечера памяти выдающегося артиста Ф.С. Дружинина всегда проводятся ежегодно в разных залах Москвы. О двух композициях Баха и Дружинина, самых масштабных в мемориальном концерте, скажем особо¹².

Трудно удержаться, чтобы не рассказать о том огромном впечатлении, которое шедевр Баха произвел на Анну Ахматову, друга семьи поэта С.В. Шервинского, где она регулярно гостила¹³. Услышав волшебные звуки Чаконы, которую Федор Серафимович готовил к сольному концерту в консерватории, Ахматова попросила его рассказать об этом произведении. Влюбившись в музыку Чаконы, Анна Андреевна дважды её упоминает в своих произведениях: стихотворение «Сон» и «Поэма без героя».

*Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдёт человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.*

Концерт Дружинина, где звучала Чакона, Анна Андреевна посетила в 1956 году. После грома аплодисментов благодарных слушателей, попросила альтиста... повторить её на бис!

Прослушав в авторском исполнении большую серию композиций Федора Серафимовича, нельзя не задаться вопросом, в чем их особое стилевое своеобразие, помноженное на неповторимость исполнительской манеры альтиста? Ответ одним из первых нашел, и очень тонко и точно сформулировал композитор Р.С. Леденёв в статье «О моем старом друге». В частности, он подчеркивал: «...когда он играл, все было тщательно продумано: он, строя форму, занимался не «самовыражением», а старался выразить то, что есть в произведении, для чего оно собственно и написано. И это было благородно, красиво, сущностно. Скорее не игра, а высказывание»¹⁴ [1, 192–194].

Свои композиции Федор Серафимович стал включать в концертные программы, предварительно показав высококомпетентным, широко эрудированным коллегам. В их числе был Г.С. Фрид. На знаменитых собраниях его Клуба, в Союзе композиторов демонстрировались новинки камерной и симфонической музыки А.Г. Шнитке, С.А. Губайдулиной, Ф.С. Дружинина, Р.С. Леденёва и других. Последний подчеркивал, что в произведениях Ф. Дружинина главный импульс идет не от «общей музыкальности», а от незаурядного композиторского дарования. Его музыка имеет заметные собственные черты, в том числе наполненность пережитым.

«Если определить ее двумя словами, я бы сказал, что она неподкупно серьезна. В ней осязатим глубокий взгляд на жизнь. О таком типе музыки С. Прокофьев



говорил, что «в ней нет перемигивания с публикой и залезания в гробы композиторов за вчерашним материалом» [6, 96].

Подчеркнем главное: в своем творчестве, также, как и на сцене, Федор Серафимович бескомпромиссен. Темы (идеи) – всегда высокие. Мастер избегает модных популярных приемов, заштампованных интонаций. Очень избирателен Федор Серафимович и в жанровых сферах своей музыки. Инструментальные сочинения (камерные и симфонические) составляют костяк его наследия. Здесь имеют место крупные сочинения для альта *solo* (соната, вариации), для дуэта альтистов (*sinfonia a due*), для альта с оркестром «Фантазия». На другом полюсе – произведения для голоса или с его участием: ноктюрн «Ночь и море» для сопрано и инструментального секстета, «Ave Maria», Семь духовных хоров, романсы и песни. В них и не только, композитор Ф.С. Дружинин создал завораживающе красивую музыкальную звукопись, где голос, по выражению Н. Метнера, трактуется как «совершеннейший из инструментов, способных стать проводником не только чувств, но и мыслей» [7, 168].

В грядущем 2022 году у Федора Серафимовича двойная юбилейная дата: 90-летие со дня рождения и 15 лет со дня ухода. Ученики Федора Серафимовича разных поколений регулярно проводят памятные вечера (или небольшие фестивали), где всегда звучит что-либо из сочинений их учителя. Трудно назвать концертные залы в Москве, где бы не совершались эти музыкальные поминовения. Естественно, лидирует Московская консерватория, параллельно с Академическим музыкальным училищем при МГК.

Укажем еще Большой зал Соборной палаты Свято-Тихоновского университета и актовый зал Классической гимназии при Греко-латинском кабинете¹⁵. Именно здесь проходил последний по времени концерт памяти Ф.С. Дружинина.

В это прославленное учебное заведение нередко отдают своих детей и внуков профессора Московской консерватории, в частности, М.С. Воскресенский. Дружинин участвовал в становлении этого уникального учебного заведения. После его ухода музыка композитора-альтиста постоянно звучит в гимназии, где серьезное внимание уделяется преподаванию музыки.

Участниками музыкального поминовения Ф.С. Дружинина были такие маститые музыканты, как Алексей Симакин, Екатерина Маркова (альт), Елена Никитенко (фортепиано), Татьяна Поршнева (скрипка), Арсений Котляревский (виолончель).

Итак, обращаясь к материалам, связанным, в частности, с репертуарными предпочтениями композитора и альтиста Ф. Дружинина и пианистки М. Юдиной, можно заключить, что оба уделяли особое внимание альту как сольному инструменту и как важному голосу в ансамбле с фортепьяно в сочинениях XX столетия. Такие композиторы, как, например, П. Хиндемит, Онеггер, Кшенек и Барток, словно учитывали нелегкий и долгий путь альта в семейство солирующих инструментов. Исполнители-альтисты прошли долгий путь попыток создания своего репертуара, смело внедряли особые способы игры и открывали новые ресурсы альта, неведомые исполнителям предшествующих веков.

Уже в XXI веке, композиторам и исполнителям удалось значительно обогатить тембровую палитру альта. Так постепенно расширялся не только репертуар, но и огромный спектр новых звуковых возможностей этого старинного инструмента. Сегодня альт – тембрально необычный и универсальный инструмент сумел обобщить все, дарованное ему разными эпохами. Поэтому в настоящий момент голос альта остается особенно притягательным для многих выдающихся музыкантов и композиторов.

Список литературы

1. Федор Дружинин. *Воспоминания. Страницы жизни и творчества* / Сост. Е.С. Шервинская. М.: Издательство ГЛК, Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 232 с.
2. Вульфийс П.А. *Статьи. Воспоминания. Публицистика*. Л.: Музыка, 1980. 231 с.
3. Павел Александрович Вульфийс. *К 100-летию со дня рождения. 1908–2008. Судьба. Творчество. Память: Материалы и документы. Воспоминания* / Сост. В.А. Лапин, И.С. Федосеев. СПб.: Российский институт истории искусств, 2008. 325 с.
4. Погадаева Н.О. *Фёдор Серафимович Дружинин – исполнитель, педагог, композитор*. Дисс. Кандидата искусствоведения. Оренбург, 2010. 275 с.
5. *Бессмертие. Из истории семьи Шервинских*. Автор-составитель Е.С. Дружинина (Шервинская). М.: ГЛК. 2013. 440 с.
6. Н.Я. Мясковский: *Статьи, письма, воспоминания в двух томах* / Сост. С.И. Шлифштейн. Т. 2. М.: Советский композитор, 1960. 587 с.
7. Метнер Н. *Муза и мода*. СПб.: Алетея, 2019. 236 с.

References

1. Fedor Druzhinin. *Vospominaniya. Stranitsy zhizni i tvorchestva*. Sost. Ye.S. Shervinskaya [Fedor Druzhinin. Memories. Pages of life and creativity. Comp. E.S. Shervinskaya]. M.: Izdatelstvo GLK, Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina [Moscow: GLK Publishing House by Yu. Shichalin]. 2001. 232 p.
2. Vulfius P.A. *Stati. Vospominaniya. Publitsistika* [Articles. Memories. Journalism]. L.: Muzyka [Leningrad: Muzyka] 1980. 231 p.
3. Pavel Aleksandrovich Vulfius. *K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. 1908–2008. Sudba. Tvorchestvo. Pamyat: Materialy i dokumenty. Vospominaniya*. Sost. V.A. Lapin, I.S. Fedoseev [Pavel Alexandrovich Vulfius. On the occasion of the 100th anniversary of his birth. 1908–2008. Fate. Creation. Memory: Materials and documents. Memories. Comp. V. Lapin, I. Fedoseev]. SPb.: Rossiyskiy institut istorii iskusstv [St. Petersburg: Russian Institute of Art History]. 2008. 325 p.
4. Pogadaeva N.O. *Fedor Serafimovich Druzhinin – ispolnitel, pedagog, kompozitor* [Fedor Serafimovich Druzhinin – performer, teacher, composer]. Dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya [Thesis for the degree of PhD]. Orenburg [Orenburg]. 2010.
5. *Bessmertie. Iz istorii semi Shervinskikh*. Avtor-sostavitel Ye.S. Druzhinina (Shervinskaya). M.: GLK [Immortality. From the history of the Shervinsky family]. [Moscow: GLK]. 2013. 440 p.

6. N.Ya. Myaskovskiy: *Stati, pisma, vospominaniya v dvukh tomakh*. Sost. S. I. Shlifshteyn. T. 2. [N. Myaskovsky: Articles, letters, memoirs in two volumes. Comp. S.I. Shlifshtein. Vol. 2]. M.: Sovetskiy kompozitor [Moscow: Soviet composer]. 1960. 587 p.

7. Metner N. *Muza i moda* [Muse and Fashion]. SPb.: Aleteya [St. Petersburg: Aleteya]. 2019. 236 p.

Примечания

¹ Она включает серию разнообразных статей: «О Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче», о его последнем сочинении, «Соната ор. 147», посвященной Дружинину, «Штрихи к портретам музыкантов – членов квартета имени Бетховена», где Федор Серафимович заменил своего высокочтимого учителя, В.В. Борисовского, основателя московской школы альта, «Квартеты Шостаковича глазами исполнителя» (Дружинин сыграл в прославленном коллективе премьеры 9-15 квартетов), «Письмо Д.Д. Шостаковичу», «История одной фотографии». Ф.С. Дружинину Д.Д. Шостакович посвятил свое последнее сочинение – Сонату для альта и фортепиано, ор 147.

² В работе над данным очерком я попросила нынешних студентов моего класса (А. Коновалову) ознакомиться с книгой «Федор Дружинин. Воспоминания. Страницы жизни и творчества», изданной ровно двадцать лет назад и высказать свое впечатление: «Книга Ф. Дружинина – наследие, позволяющее нам, современным читателям, лучше узнать альтиста как живого человека, который, так же, как и все, проходит через трудности, с детства чувствует и глубоко познает профессию. Ни для кого не секрет, что дневниковые записи – наиболее подходящий способ узнать о человеке как можно больше и как бы заглянуть внутрь его души. Сегодня «Воспоминания. Страницы жизни и творчества» в нынешнем контексте воспринимаются по-новому. Нам, детям консерватории, важно из первых рук узнать о тех деятелях, которые оставили заметный след в музыкальной культуре XX столетия. Важно быть вечно интересующимся и жадными на автобиографическую информацию. Только так возможно сохранить живую искорку души, подогревающую внутренний свет отношения к жизни. Скромный по своей натуре Федор Серафимович сумел достойно пройти все испытания жизни, включая военное время в детские годы и превратности судьбы уже во взрослом возрасте. Мы помним талантливого музыканта и чтим его память».

³ О семействе Вульфийсов см. в книге известного ленинградского музыковеда и историка музыки Павла Александровича Вульфийса [2], а также в посвященном ему сборнике статей [3]. О родителях и семье Ф.С. Дружинина см. в книге Н.О. Погадаева «Федор Серафимович Дружинин – исполнитель, педагог, композитор» [4] (в настоящее время ГЛК готовит расширенное и дополненное переиздание книги Н.О. Погадаевой), а также раздел *Биография* на официальном сайте музыканта <http://fedor-druzhinin.ru/>.

⁴ Журнал «Знамя», 1996 № 6. Судя по датам, М.В. Юдина написала письмо через 2 недели после описываемого концерта.

⁵ Альт В.В. Борисовского, переданный Ф.С. Дружинину, – по мнению Н.О. Погадаевой, «крупный альт работы Амати» [4, 25],

по мнению проф. Ю.А. Тканова, это был алыт работы Альбани (атрибуция А.С. Кочергина).

⁶ Urbi et orbi – «Городу и миру».

⁷ Homme révolté – «бунтующий человек» (эссе Альбера Камю).

⁸ Первы этаж занимала чета молодых музыкантов-теоретиков, Андрея и Натальи Мясоедовых, которые «подкармливали» домашней пищей великую пианистку. Она же с юмором говорила, что «отрабатывает» лакомство, наблюдая со второго этажа за сном в коляске их сыновей.

⁹ Классическая гимназия при Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина начала работать в 1993 году в Братском корпусе Славяно-Греко-Латинской Академии на Никольской улице. До 2020 года бессменным директором гимназии была Елена Федоровна Шичалина, дочь Федора Серафимовича Дружинина. Представление о деятельности *Классической гимназии при Греко-латинском кабинете* можно получить по материалам, размещенных на сайте www.mgl.ru.

Издательством *Греко-латинский кабинет (ГЛК)* опубликовано свыше 150 книг, а также переводы фундаментальных изданий по истории греческой и латинской литературы, культуры, философии (три тома *Пайдейи* В. Йегера, три тома *Истории римской литературы* М. фон Альбрехта, *Античная литература* Д. Дилинте, *История литературы раннего христианства* Кл. Морекини и Э. Норелии, *Греческая философия* в двух томах под редакцией М. Канто-Спербер и др.).

Для музыкантов и историков музыки представляют интерес также следующие издания ГЛК: Мессиян О. *Техника моего музыкального языка*. Пер. с французского и комментарии М. Чебуркиной. Научная редакция Ю. Холопова. М., 1995; Ф.С. Дружинин. *Симфония для двух альтов*. Посвящается памяти Ромэна Гари. Нотное издание (партитура и отдельные партии). М., 2003; издание *Воспоминаний* Федора Дружинина во французском (*Souvenirs*, 2006) и английском (*Memoirs*, 2015) переводе.

¹⁰ Лауреат международных конкурсов Алексей Симакин (р. 1979 г.) закончил Академическое музыкальное училище при МГК им. П.И. Чайковского (1994–97, класс Л.Н. Гузиной). В консерватории обучался в классе профессора Ф.С. Дружинина. В 2003 году с отличием закончил консерваторию. С 2004 года преподавал в ЦМШ. Среди учеников Симакина многие лауреаты Всероссийских и Международных конкурсов (недавние – Любовь Бирюкова и Татьяна Скрынник – 2-е место на Международном конкурсе им. Р. Баршай (2021)).

¹¹ Фреска для двух альтов написана как серия контрастных звуковых эпизодов, драматические образы мелькает словно кадры

киноленты. В центре внимания – прекрасный лик старинного меуэста, что неоднократно возникает в диалогах двух альтистов. Та-нец являет собой мир нетленной красоты и гармонии чувств. Со-чинение навеяно произведением Ромен Гари (1914–1980) – фран-цузского писателя, кинорежиссера, дипломата, также публиковав-шегося под псевдонимом Эмиль Ажар.

¹² Знаменитая Чакона (*ciaccona*, фр. Chaconne) родилась в средние века как один из жанров карнавального музыкального ри-туала. Он стал развиваться усилиями испанских инструментали-стов XVI века. Музыкальный тематизм Чаконы (и близких ей сара-банды, фолии и пассакалии) давно привлекает европейских ком-позиторов. Начиная с эпохи барокко, чаконы создавались форме полифонических вариаций, где тема в неизменном виде проводит-ся в басу, а верхние голоса свободно ее варьируют.

¹³ Об Анне Андреевне Ахматовой в связи с ее пребыванием в Старках, поместье Василия Дмитриевича Шервинского, где жил и Сергей Васильевич с семьей, смотри заметки С.В. Шервинского *Анна Ахматова в ракурсе быта* в книге Бессмертие. Из истории семьи Шервинских [5, 244–258] и главу *Чакона Баха в Воспоминаниях Ф.С. Дружинина* [1, 126–133].

¹⁴ Ф. Дружинин и Р. Леденев соученики по ЦМШ, где началась их огромная дружба человеческая и творческая: Роман Семено-вич доверял ему премьеры своих сочинений для альты, в том чис-ле симфонических, «Концерт-поэма», специально для него напи-санная в 1964 году, была посвящена Дружинину. Дружба и твор-ческое общение с А. Шнитке увенчалась созданием и исполнени-ем Трио.

¹⁵ Учредители Классической гимназии при ГЛК Юрий Анато-льевич Шичалин (доктор философских наук, профессор ПСТГУ, МГУ и МДА) и Елена Федоровна Шичалина (кандидат филоло-гических наук, много лет преподававшая на филфаке и истфаке МГУ), выпускники кафедры классической филологии Московского университета. Спецификой гимназии (помимо преподавания древ-них языков) следует считать любовь к театральным и музыкаль-ным постановкам, которые составляют обязательный элемент школьной жизни гимназистов с первого по одиннадцатый класс. Событиями бывают постановки Е.Ф. Шичалиной, Т.В. Суздальце-вой, М.Е. Клягиной. За годы работы гимназии поставлено свыше ста спектаклей на русском, английском, французском, немецком языках (о театральной деятельности гимназии см. страницу сай-та ГЛК: <http://www.mgl.ru/classical-school/shows.html>). О постановке «Репетиция Дидоны» см.: Е.Б. Долинская. Рождение новой «Дидо-ны» // Музыкальная жизнь. 2011. № 12. С. 60–61. (http://www.mgl.ru/classical-school/performancesmgl/Shichalin_Purcell_Didona1.html)

Информация об авторе

Долинская Елена Борисовна,

доктор искусствоведения, профессор,

Федеральное государственное бюджетное образова-тельное учреждение высшего образования «Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского»

125009 г. Москва, Российская Федерация, ул. Большая Никитская, д.13

Information about the author

Dolinskaya Elena Borisovna,

Doctor of Arts, Professor,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky

125009 Moscow, Russian Federation, ul. Bolshaya Nikitskaya, d.13